

европейского искусства, начиная от средневековья до эпохи классицизма. Автор приходит к выводу, что данная практика отражала определённый интерес авторов к народной тематике. Что касается осознанного обращения к фольклору как маркеру национального своеобразия, то внимание к традиции народного творчества станет характерно в эпоху романтизма и явится мощным стимулом развития национального искусства многих европейских народов.

SUMMARY

This article examines the appeal to folklore motives at the level of appeal to plots, images, authentic primary sources in the history of European art from the Middle Ages to the era of classicism. The author comes to the conclusion that this practice reflected a certain interest of the authors in folk topics. As for the conscious appeal to folklore as a marker of national identity, this kind of attention to the tradition of folk art will become characteristic in the era of romanticism and will be a powerful stimulus for the development of the national art of many European peoples.

Ефремова И. В.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КАК СМЫСЛОВОЕ КАЧЕСТВО ПРИДВОРНЫХ БАЛОВ ЭПОХИ ФРАНЦУЗСКОГО АБСОЛЮТИЗМА

*Белорусский государственный университет культуры и искусств
(Поступила в редакцию 09.11.2020)*

В системе классификации балов по социальному признаку особый интерес представляют балы придворные, проводимые при дворе монархов различных историко-культурных эпох и стран. Своей кульминационной стадии подобные мероприятия достигли во времена расцвета французского абсолютизма в годы правления Людовика XIV. Обозначенный «особый интерес» этих балов, прежде всего, состоит в их семантической неоднозначности, проявлявшейся на уровне «единства и борьбы» противоположных категорий – «свободы – несвободы», «развлечения – обязанности». Эта смысловая амбивалентность придворных балов даёт повод к размышлениям.

Придворные балы, как порождение праздного класса с характерным для него «непроизводительным характером деятельности» (Т. Веблен), носили ярко выраженный репрезентативный характер и служили политическим целям: а) официальные балы с участием круга наиболее знатных и влиятельных лиц способствовали укреплению позиций Франции на европейской политической арене (подчинённость внешнеполитическим интересам); б) неофициальные балы с участием большого числа придворных помогали монарху решать проблемы внутренней политики, которая состояла, в том числе, в постоянном контроле монархом подчинённой ему аристократии (для устранения возможных проявлений ею недовольств и бунтов). Если официальные балы входили в сферу государственного управления, то неофициальные представляли собой одну из форм, входящую в область развлечений. Как писал А. Дюма, «Луи XIV, организуя бесконечные праздники, преследовал две цели: <...> он увеличивал королевскую власть и ослаблял дворянство <...> для

поддержания роскошной жизни большая часть дворян или проживала свои родовые имения, или, не имея такового, входила в долги, а разорившись, все попадали в совершенную зависимость от короля. С другой стороны, по множеству иностранцев, съезжавшихся в Париж на праздники, казна получала суммы, вдвое больше тех, которые издерживала. Таким образом, праздники приносили государству выгоду, а Луи XIV мало-помалу становился божеством, лучезарным светилом Европы» [1, с. 501].

Участниками придворных балов каждого типа выступали придворные – королевская свита, «играющая» короля и имеющая свою иерархию. Верхушку придворной «лестницы» составляли родственники короля. Ступенькой ниже находились придворные, занимающие многочисленные штатные должности при дворе. Иерархический список завершали придворные, не имеющие штатных должностей, а находящиеся при дворе по своему желанию с целью добиться королевского внимания и милости (количественно именно они составляли основную массу королевской свиты). Очевидно, что обозначенная нами выше праздность, преломляясь сквозь специфику жизни придворных, занимающих либо не занимающих штатные должности, проявлялась в различной степени. Первые, в отличие от вторых, постоянно живя в монаршей резиденции и находясь «при короле», в той или иной степени были заняты выполнением своих обязанностей, потому на праздность в смысле безделья у них оставалось не так много времени (это зависело от занимаемой должности). Вторые же, не занятые ничем и живущие в собственных особняках вдали от королевского дворца, приезжали ко двору лишь по мере необходимости, а потому праздность составляла основу их бытия. Не связанные служебными обязанностями, они располагали огромным количеством свободного времени, порождающего состояние постоянной скуки, которое надо было чем-то «убить». По верному замечанию М. Неклюдовой, «придворное существование <...> генетически связано с этим понятием <...> Придворное существование чревато скукой, оно покоится на скуке, которая прикрывается праздниками» [2]. В этом контексте приглашение придворных на всякого рода празднично-увеселительные мероприятия (в том числе и на придворные балы) являлось прекрасным способом решения проблемы их (придворных) бесцельного времяпрепровождения.

Значительное количество свободного времени, праздность и скука порождали у придворных (прежде всего у тех из них, кто не был «скован» узами штатных должностей) желание «выйти» за пределы однообразия повседневности. Участие в балах было для них настоящим событием, приглашение на которое расценивалось как знак особого расположения монарха, свидетельствовавший о принадлежности к кругу избранных и поднимавший их самооценку и чувство собственной значимости; событием, способным в корне изменить их жизнь к лучшему, будь на то воля короля. Жизнь придворных, лишённая многообразия внешних впечатлений, представляла собой достаточно скучное существование в рамках различных, весьма предсказуемых ситуаций. Эта жизнь приобретала ценность и

наполнялась определённым смыслом лишь тогда, когда в ней происходили какие-то события. Можно с уверенностью сказать, что придворный жил «от события к событию», в роли которых как раз и выступали разнообразные и многочисленные развлечения и празднества при дворе, наглядно отражающие устойчивую позицию Короля-Солнца об их пользе для государства: «Общее веселье создаёт у придворных ощущение лестной близости к монарху, что чрезвычайно волнует и радует их. Простой народ любит зрелища – в сущности, их цель в том и состоит, чтоб ему нравиться <...> Этим средством мы завладеваем его умом и сердцем гораздо успешней, чем наградами и благодеяниями. Что до иностранцев, то, видя государство цветущим и благоустроенным, – как это явствует из расходов на праздник, которые могут показаться даже излишними, – они получают самое выгодное впечатление великолепия, мощи, богатства и величия» [3, с. 1].

При Людовике XIV неофициальные придворные балы проводились регулярно. По свидетельству маркиза де Сурша, они устраивались по субботам [4, с. 71] и представляли собой блестящие театрализованные зрелища, основанные на строгих правилах этикета, разыгрываемые в соответствии с определённым сценарием непрофессиональными актёрами («активными» придворными) на глазах у зрителей («пассивных» придворных) в специально оборудованном для этого помещении (одном из дворцовых залов, например, в зале Марса в Версале или Большой приёмной Лувра, где с трёх или четырёх сторон возводились зрительские трибуны в несколько ярусов). По требованию этикета, получив приглашение на бал, придворные каждый раз заказывали новые дорогие наряды. К балу, как важному событию, начинали готовиться заранее.

Но вернёмся к проблеме амбивалентности придворных балов, поставленной в начале статьи и заключённой в категориальных дилеммах «свобода – несвобода» и «развлечение – обязанность». Они связаны между собой непосредственным образом, ибо свобода является обязательным условием развлечения как того, что нас занимает и отвлекает от скуки, а несвобода порождает обязанность как некую вынужденность. Определим, как «работают» обозначенные дилеммы в контексте придворных балов разных видов – официального и неофициального.

Официальные балы, вписанные в сферу государственного управления, являлись одной из форм официального праздника. Ёмкую характеристику подобным праздникам дал М. М. Бахтин, по мнению которого, они утверждали «стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка: существующей иерархии, религиозных, политических и моральных ценностей, норм, запретов», имели исключительно «монолитно-серьёзный тон» и «изменяли подлинной природе человеческой праздничности, искажали её» [5, с. 14 – 15]; «На официальных праздниках иерархические различия подчёркнуто демонстрировались: на них полагалось являться во всех регалиях своего звания, чина, заслуг и занимать место, соответствующее своему рангу. Праздник освящал неравенство» [5, с. 15].

Авторитетное мнение М. М. Бахтина помогает верно расставить акценты в концептуальном поле придворных официальных балов. Их формализованный характер «искажал» саму суть праздника как развлечения, от которого люди получали удовольствие. А потому в обозначенной категориальной дилемме «развлечение – обязанность» в данном контексте, на первый взгляд, перестаёт быть актуальным понятие развлечения, которое, нивелируясь, приводит к исчезновению собственно самого противоречия. Реально действующей и важной в континууме официальных балов остаётся лишь категория обязанности. И действительно, для придворных, приглашённых на подобное мероприятие, участие в нем было обязанностью. Как правило, придворные выступали в роли «пассивной» массы статистов, все «действия» которых сводились к наблюдению за происходящим со стороны, в качестве зрителей. Однако если углубиться в обозначенный аспект, станет очевидным, что официальный бал для придворных – это, прежде всего, зрелище, некое развлечение, избавлявшее от скуки и доставлявшее массу новых впечатлений и тем для обсуждения. В подобном контексте категориальная дилемма «развлечение – обязанность» не утрачивает актуальности.

Второе противоречие, связанное с противопоставлением свободы и несвободы, в формате официальных балов, казалось бы, снималось благодаря невозможности осуществления придворным свободного выбора, касающегося его участия либо неучастия в бальном мероприятии. Приглашение на бал придворного – привилегия монарха. Отказаться от подобного приглашения, исходящего лично от первого лица государства, было невозможно. Возникает закономерный вопрос о возможности появления у придворного желания посетить бальное мероприятие в подобной ситуации. На первый взгляд, очевиден отрицательный ответ, поскольку то, к чему нас обязывают и принуждают, вызывает естественную реакцию отторжения. Однако это только на первый взгляд, ибо участие в событиях и празднествах, устраиваемых при дворе, входило в круг «профессиональных обязанностей» придворного. Более того, каждый из входящих в придворное общество, мечтал удостоиться такой высокой чести. Поэтому «добровольно-принудительные» придворные мероприятия расценивались его участниками как исключительно «добровольные», а приглашение на них считалось проявлением особой благосклонности монарха. Таким образом, и категориальная дилемма «свобода – несвобода» в континууме официальных придворных балов остаётся актуальной. При этом всё же в обеих дилеммах противопоставляемые категории теряют равноценность. В каждой из них появляется доминантное понятие. Так, в дилемме «развлечение – обязанность» главенствующее значение приобретает категория обязанности, а в дилемме «свобода – несвобода» на первый план выходит понятие несвободы.

Обратившись к балам неофициальным, мы видим несколько иную картину. На эти мероприятия придворных также приглашал король, но суть такого участия была совершенно иной. Из пассивных зрителей, создающих

«живую декорацию» бального действия, придворные превращались в его непосредственных «активных» участников, у которых в рамках самого бала появлялась определённая, хоть и ограниченная многочисленными правилами, свобода действий. Да и сама атмосфера, царившая на этих празднествах, при всей своей регламентированности, была более непринуждённой и менее формализованной, чем на балах официальных. На неофициальных балах присутствовал развлекательный элемент. Степень развлекательности зависела от разных моментов (например, от того, были ли запланированы какие-либо «развлечения» в сценарии конкретного бала; предполагалось ли присутствие монарха на мероприятии и т. п.). Однако, как правило, придворные в полной мере начинали развлекаться только после того, как король покидал празднество. Актуальность сказанного многократно усиливалась в контексте придворных маскированных балов (балов-маскарадов) в силу их специфики. Обозначенные выше категориальные дилеммы в континууме неофициальных придворных балов, равно как и в аспекте балов официальных, не утрачивали своей значимости. Однако акценты в противопоставляемых категориях в формате балов неофициальных расставляются иначе. Теперь в дилемме «развлечение – обязанность» роль доминанты играет категория развлечения, а в дилемме «свобода – несвобода» главенствует понятие свободы.

При всём различии смысловых оттенков амбивалентности официальных и неофициальных придворных балов необходимо указать на одно из значений понятия развлечения, которое было особенно важным для рассматриваемой эпохи в контексте придворной жизни и может быть рассмотрено автором в качестве главного семантического элемента – речь идёт о скуке. Данное понятие включено в «Философский словарь» Андре Конт-Спонвиля и опирается, прежде всего, на мысли французского учёного и философа XVII в. Блеза Паскаля. Под развлечением понимается «способ занять свой ум чем-либо малозначительным, чтобы не думать о главном: о том, как мало мы значим, о том, что нас ждёт небытие. Это своего рода добровольное переключение внимания, метафизическое отвлечение <...> Развлечение есть признак нашего ничтожества (как мало нам надо, чтобы почувствовать себя занятыми!), но вместе с тем и средство его маскировки. Противоположностью развлечения является не серьёзность, которая зачастую выступает как очередное развлечение <...> а скука или страх. Вот почему мы так любим «шум и движение» – они помогают нам не думать о себе и о смерти <...> Развлекаться – значит отворачиваться от себя, от своего небытия и своей смерти. И это приводит к тому, что небытие как будто удваивается. Наша эпоха видит в развлечении всего лишь приятное времяпрепровождение. Но следует отметить, что в философском смысле развлечение не обязательно предстаёт в виде отдыха, досуга или весёлой забавы: можно отвлечься от тех или иных мыслей, с головой уйдя в тяжёлую работу или сконцентрировавшись на других заботах. Главное здесь – стремление забыть о том, что ничто – это ничто, т. е. забыть о самом главном» [6].

Исходя из вышеизложенного, отметим, что семантика развлечения в эпоху абсолютной монархии состояла в отвлечении праздного общества от размышлений об истинно сущностном для каждого христианина – о Боге, о конечности земной жизни, а также о смерти как важном акте бытия, требующем пребывания в состоянии постоянной готовности предстать перед Всевышним. Данная интерпретация является своеобразным «зеркалом» эпохи барокко с воплощением характерного для неё неразрывного единства драматического противопоставления «возвышенного и земного». В этом контексте выявленная автором актуальность амбивалентности как смыслового качества придворных балов, реализующегося через дилеммы «свобода – несвобода» и «развлечение – обязанность» (с разной акцентуацией внутри каждой из них в рамках официальных и неофициальных балльных мероприятий), является весьма показательной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюма, А. Жизнь Луи XIV / А. Дюма ; сост. С. Чистобаев. – СПб. : Студия биография, 1993. – 716 с.
2. Неклюдова, М. С. Король и скука: отчего невесело быть придворным [Электронный ресурс] / М. С. Неклюдова. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=toNOMVc7Q24>. – Дата доступа: 30.10.2020.
3. Ракова, А. Л. Версальские праздники Короля Солнце / А. Л. Ракова. – СПб. : Государственный Эрмитаж, 2004. – 17 с.
4. Де Монкло, Ж.-М. Версаль : альбом / Ж.-М. де Монкло ; пер. с фр. Е. И. Балаховской, А. А. Сабашниковой. – М. : Слово, 2005. – 705 с.
5. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Художественная литература, 1990. – 543 с.
6. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь [Электронный ресурс] / А. Конт-Спонвиль. – Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/97149>. – Дата доступа: 16.10.2020.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена рассмотрению семантической неоднозначности придворных балов эпохи французского абсолютизма, проявлявшейся на уровне «единства и борьбы» противоположных категорий – «свобода – несвобода», «развлечение – обязанность». Анализ реализации обозначенных категориальных дилемм в контексте официальных и неофициальных балльных мероприятий позволяет автору сделать вывод об актуальности амбивалентности как смыслового качества придворных балов.

SUMMARY

The article is devoted to the semantic ambiguity of court balls of the French absolutism era, which was manifested at the level of «unity and struggle» of opposite categories – «freedom – non – freedom», «entertainment – duty». Analysis of the implementation of these categorical dilemmas in the context of official and unofficial ball events allows the author to conclude that ambivalence is relevant as a semantic quality of court balls.